

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

СОФИЯ
ШУАЗЁЛЬ-
ГУФЬЕ

Исторические
мемуары
об императоре Александре I

София Шуазель-Гуфье
Исторические мемуары
об императоре
Александре и его дворе
Серия «Библиотека проекта
«История Российского государства»»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=61247067

Исторические мемуары об императоре Александре и его дворе: / София

Шуазель-Гуфье: АСТ; Москва; 2020

ISBN 978-5-17-123346-4

Аннотация

Библиотека проекта «История Российского государства» – это рекомендованные Борисом Акуниным лучшие памятники мировой литературы, в которых отражена биография нашей страны, от самых ее истоков.

Воспоминания Софии Шуазель-Гуфье – фрейлины императрицы Елизаветы Алексеевны, супруги Александра I и вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны, живо рисуют нам ту атмосферу обожания, которую Александр I умел создавать около себя, искусно играя на людских сердцах. «Александр-

прельститель» – так можно было бы озаглавить мемуары Шуазэль-Гуфье. Эта сторона личности Александра играла огромную роль в его жизни и в истории его правления, и вот почему мемуары графини, отразившие на себе эту черту, заслуживают внимания тех, кто интересуется русской историей.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Предисловие автора	6
Глава I	8
Глава II	30
Конец ознакомительного фрагмента.	40

София Шуазель-Гуфье
Исторические мемуары
об императоре
Александре и его дворе

Библиотека проекта Бориса Акунина «История Российского государства» издается с 2014 года

© В. Akunin, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Предисловие автора

Три года прошло с того события, которое погрузило Россию в печаль и траур, как уже появились две истории жизни императора Александра. Не оспаривая достоинство этих сочинений, я позволю себе заметить, что почти исключительно посвящённые описанию политических событий и памятной борьбы между двумя величайшими державами Европы истории эти мало освещают личность монарха, который сыграл в этих событиях столь важную роль. Они дают лишь поверхностную характеристику Александра, державного противника великого человека¹, который лишь в некоторых отношениях проявил больше величия, чем его добродетельный соперник.

В первом порыве естественной скорби, внушённой мне смертью моего государя, – монарха, которого я имела счастье знать, восхищаясь его благородным, трогательным характером, я пыталась описать добродетели того, чью смерть я оплакивала. Но потому ли, что недавнее, сильное горе слишком воспламеняло моё воображение, или же потому, что я слишком увлекалась величием моего героя, я вскоре заме-

¹ Тот, кто извлёк Францию из пропасти революций, кто в течение некоторого времени сумел даже внушить Александру чувство восхищения перед своими дарованиями, – тот, само собой, не был человеком обыкновенным. И притом Наполеон доказал, как мало значит человеческое величие!

тила, что тон, принятый мной в этом сочинении, не соответствует моим слабым способностям и не приличествует истории. Бросив тогда эту неудачную попытку, я горячо желала, чтобы знаменитый писатель, который один достоин быть истолкователем религии и гласом государей, взялся за предмет столь его достойный! По некоторым гармоническим отрывкам, которые успели уже появиться, я надеялась, что пламенное желание моё исполнится, но голос умолк, и желание моё сменилось сожалением.

Тем не менее, раздумывая – в тишине ли уединения или среди шума городов и двора, – о прекрасной жизни Александра, я почувствовала, сколь мало я ценила выдающиеся добродетели этого государя, думая, что один лишь великий талант мог отдать им дань уважения и поведать о них потомству. Факты говорят сами за себя, и те, которые связаны со славным именем этого государя, имеют такую притягательную силу, что для правдивого их изображения достаточно выразить чувство благодарного сердца. Итак, я смею надеяться, что чувствительные души, не поддающиеся роковому влиянию охлаждающего времени, с интересом найдут здесь очертание благородных и великодушных качеств государя, заслужившего любовь и благодарность не только своих подданных, но и всей Европы.

Глава I

Первые годы жизни

Александра I. Дворцовый заговор. Смерть Павла Первого

Александр I родился в 1777 году. С годами природные хорошие качества великого князя всё более развивались. Казалось, всё гармонично сочеталось в юноше, которому впоследствии суждено было занять один из первых престолов в Европе и столь блестящее место в истории.

Выдающаяся внешняя красота как бы впечатлевала на себе равную ей красоту его души. Свойственная его характеру неизменная кротость с детства привлекла к нему всеобщую любовь и сосредоточила на нем лучшие надежды могущественной Российской империи. Говорят, императрица Екатерина так полюбила своего внука, что предполагала удалить от престола собственного сына, несчастного Павла Петровича, и назначить Александра своим преемником.

В то время не было основного закона, регулирующего наследственность российского престола: порядок перворождённости был установлен лишь в следующее царствование. Притом не было препятствия для гения Екатерины, привык-

шей все подчинять своей власти. Она пожелала лично руководить воспитанием своего внука.

Между тем при редких качествах, которыми был одарён Александр, можно было желать лишь одного: чтобы августейшая мать великого князя, по собственному желанию, могла бы сама следить за первыми впечатлениями своего сына среди этого двора, изящного, но безнравственного, — и руководить им со свойственными ей бдительной мудростью и пронизательной твёрдостью. Какую власть приобрели бы над сердцем такого сына мудрые наставления столь добродетельной матери, проникнутой любовью к добру, посвятившей всю свою жизнь счастью человечества!

Тем не менее, избранный Екатериной в воспитатели юного великого князя полковник Лагарп мог успокоить заботливую мать и удовлетворить желания русского общества. Мудрый воспитатель нашёл во вверенном ему августейшем ученике самые счастливые природные задатки. Чтобы докончить дело природы и выполнить вверенную ему важную задачу, ему предстояло лишь развивать, поддерживать и направлять эти прекрасные задатки. Одарённый нежной и чувствительной душой, Александр беззаветно привязался к почтенному и пронизательному воспитателю, посвятившему ему своё время и силы. Он всегда относился к нему как к надёжному и верному другу.

Александр любил учиться, у него были изумительная память, восприимчивый ум, глубокий и тонкий. С ранней мо-

лодости он проявил склонность к военным наукам, прилежно занимался тем, что ему угодно было называть своей службой, в точности соблюдая дисциплину и самое строгое повиновение. В нем была в высшей степени развита любовь к порядку и к работе. Но особенно было в нем восхитительно всегда ровное настроение духа, – качество столь редкое и драгоценное в монархе и проистекавшее из природной его доброты. Ничто не могло нарушить приветливую благожелательность, отражавшуюся как в чертах лица, так и в его действиях.

Александр говорил на нескольких языках, и особенно на французском языке – весьма свободно, изящно и красноречиво. Приёмы его обращения были очень привлекательны. В первой молодости в них проглядывала некоторая застенчивость. Никто в такой степени не обладал даром нравиться и побеждать все сердца. Никто, я уверена, не мог видеть и слышать Александра, не сказав себе, расставаясь с ним: «Какое было бы счастье иметь его другом!»

Едва Александр вышел из отрочества, как императрица Екатерина, опасаясь для него бурных увлечений молодости, постаралась наложить узду на его страсти, с юности связав его священными узами: неосторожность, последствия которой повлияли более, чем думают, на будущность и семейное счастье великого князя и его августейшей супруги. Согласно установленному в России обычаю, вызванные ко двору три юные германские принцессы предстали перед очами

Екатерины, которой предстояло избрать среди них супругу для внука. Выбор этот определился, как говорят, довольно своеобразно, и простой случай помог Екатерине в такой же степени, как если бы она, после долгих наблюдений, подчинилась своему просвещённому суждению.

Из окна императорского дворца царица увидела подъезжавших юных принцесс. Все три были весьма привлекательны. Екатерина заметила, что принцесса, первой вышедшая из кареты, проявила, выходя из неё, слишком много поспешности. Живость эта, на ее взгляд, не предвещала ничего хорошего. Появившаяся за ней следующая принцесса запуталась в шлейфе своего платья. «Какая медленность и неловкость!» – сказала императрица. Наконец последняя сошла с полным самообладанием. «Вот кто будет великой княгиней!» – воскликнула Екатерина.

Это была Елизавета Баденская. Внешность ее утвердила императрицу в ее выборе и привела в восторг юного великого князя, сердце которого не могло сделать лучшего выбора. Действительно, Елизавета соединяла в себе все чары. Ослепительный цвет лица, свежий, как розы, белокуро-пепельные волосы, спускавшиеся на плечи алебастрового цвета, талия сильфиды, черты лица, одушевлённые умом и чувством, большие голубые глаза – все в ней привлекало и очаровывало взоры.

Страстно влюблённый в свою прекрасную юную подругу, Александр нашёл в ее приятной беседе, в ее просвещённом

уме, в нежности, которую она питала к нему, – все, что могло облегчить ему тяжёлое существование, наставшее для него со смертью императрицы Екатерины и восшествия на престол его отца.

Долгие нравственные страдания исказили и ожесточили характер несчастного Павла I, от природы одарённого умом живым и пронизательным, сердцем чувствительным и великодушным. Несчастливая склонность к подозрительности, чрезвычайная его раздражительность, долго сдерживаемая пассивным подчинением, – вышли из всех границ при достижении Павлом высшей власти. Со временем эти отрицательные свойства лишь усилились, и в те минуты, когда благодаря им можно было опасаться всего, и когда собственная семья государя искала самозащиты, – в эти минуты один Великий князь Александр, умевший противопоставить почтительную твёрдость часто прихотливым требованиям императора, – мог порой успокаивать его ум, поражённый неисцелимой болезнью. Снедаемый пламенным и подозрительным воображением, вечно представлявшим ему опасности и тайных врагов, несчастный монарх сам был злейшим своим врагом. В конце концов он сам стал жертвой своих мрачных опасений.

Ссылки приняли ужасающие размеры. Террор царил повсеместно – при дворе, в столице, в армии и даже в самых отдалённых провинциях государства. При самом осторожном поведении никто не мог считать себя в безопасности от доно-

са, никто не мог рассчитывать на следующий день. Прибытие императорского курьера в отдалённую местность всех повергало в ужас, каждый с содроганием спрашивал себя: «Не обо мне ли роковой приказ?» – и каждый уже видел мысленно кибитку, которая унесет его в сибирские пустыни². Невольное упущение в строгом этикете или в предписанной императором форме, самая незначительная небрежность в военной службе, – этого было достаточно, чтобы навлечь на себя кару ссылки, и Сибирь населялась людьми с громкими именами.

Среди находившихся в то время в Петербурге знатных иностранцев граф Шуазэль-Гуфье, бывший ранее посланником в Константинополе, осыпанный милостями императора Павла, не знавшего пределов своей щедрости, внезапно получил приказ удалиться в дарованные ему государем литовские поместья и в двадцать четыре часа покинуть Петербург. Не постигая вызвавших его опалу причин, граф Шуазэль послал своего сына попросить паспорт у графа Палена, в то время петербургского губернатора. Пален был на параде, он вскоре возвратился. Увидев графа Шуазёля, он оттолкнул лакея, подошедшего, чтобы взять его шляпу и португепю, и,

² Отец мой, граф Фитценгауз, в то время уже с год как изгнанный в Казань, однажды обедал в многочисленном обществе у местного губернатора, когда, во время трапезы, внезапно доложили о прибытии фельдъегеря. Все гости побледнели, губернатор дрожащими руками раскрыл адресованный на его имя пакет, в котором, к общему успокоению, заключался орден для одного из стоявших в Казани генералов.

взволнованный, воскликнул: «*Дорогой граф, я в отчаянии от того, что с вами случилось. Это невыносимо, такой порядок вещей не может продержаться, пора с этим покончить!*». Несмотря на свою крайнюю молодость, граф Шуазель был поражён такой неосторожной речью и больше всего тем выражением, с которым были произнесены эти замечательные слова. Восемнадцать месяцев спустя Павла уже не было в живых! Быть может, при этом будет уместно познакомить читателя с тем глубоко скрытным человеком, который сыграл в этом заговоре роль настолько важную, что с достаточным основанием можно считать его *единственным* его виновником. Курляндский дворянин Пален в ранней молодости вступил на русскую службу и в царствование Екатерины II достиг чина генерал-майора. Благодаря протекции фаворита Зубова он получил место гражданского губернатора в Риге.

Вскоре после своего восшествия на престол император Павел был проездом в Риге, остался доволен Паленом и перевёл его в Петербург. С поспешностью, характеризовавшей все его шаги, Павел наградил нового своего любимца целым рядом должностей, поместий и милостей. Назначил его шефом гвардии, губернатором Петербурга, пожаловал ему высшие ордена империи и подарил значительные поместья в Курляндии, ею отчизне. Пален устоял против всех этих милостей. Он сохранил тайные сношения с Зубовыми, своими прежними покровителями, и сообща с ними замыслил

погубить щедрого государя, так возвысившего его в государственной службе.

Причину такой чёрной неблагодарности следует искать в безнравственном характере Палена: большой любитель жизненных усад, притом – плохой офицер, он изнемогал под тяжестью военной службы, которой обременял его император, а также подробных рапортов, которые он ежедневно должен был представлять ему о частной жизни, действиях и разговорах петербургских жителей.

Столь же осторожный, как и вероломный, Пален стремился возможно меньше подвергаться риску в заговоре и выступать лишь с величайшей осмотрительностью, поэтому он привлёк к своему предприятию друзей, которые могли обеспечить успех его замысла. Платон Зубов, отъявленный враг Павла I, которому государь этот имел неосторожность оставить несметные богатства, приобретённые в предшествовавшее царствование, представился Палену наилучшим орудием для заговора, который открывал ему возможность удовлетворить чувства личной ненависти. Притом Зубов, долго остававшийся в милости, сохранил много связей. А брат его, Валерьян, всегда был окружён людьми без принципов и нравственности, способными содействовать всякого рода преступлениям и покушениям.

Пален, почти уверенный в готовности Зубова оказать ему содействие, сообщил ему о своём желании вступить с ним в переговоры. А для того, чтобы император дозволил ему вер-

нуться из его поместий, где он жил в изгнании, он посоветовал ему выразить мнимое желание вступить в брак с дочерью Кутайсова, другого любимца Павла, который этого ничтожного турецкого раба, своего цирюльника, внезапно сделал одним из главных сановников империи, возвёл его в графское достоинство и осыпал милостями. Кутайсов вскоре получил письмо от Зубова, просившего руки его дочери.

Вне себя от радости, он тотчас отправился с этим письмом к императору, бросился к его ногам и стал молить не ставить препятствия счастью его дочери, – не отказать Зубову в разрешении вернуться в Петербург. Павел охотно согласился исполнить желание своего любимца и заметил, что просьба Зубова была единственной его разумной мыслью во всю его жизнь. Тогда Зубов окончательно договорился с Паленом. Последний без труда привлёк на свою сторону часть гвардии, ибо, к несчастью, Павел обременял утомительной службой, резкими выговорами и строгими наказаниями этот полк, давно уже привыкший к тому, что в России дворцовые перевороты совершаются без пролития крови.

Истинный план заговора, по уверению заговорщиков, не простирался до лишения императора жизни. Предполагалось, по их словам, заставить его подписать акт отречения, по которому он соглашался бы передать корону наследнику престола, Великому князю Александру, предоставив себе право избрать своё местопребывание в окрестностях Петербурга, или в какой-либо провинции империи, или за грани-

цей, – в той стране, где он пожелал бы поселиться.

Пален с другими заговорщиками ясно сознавал, что невозможно было лишить обширное государство его главы, не заручившись для него преемником. С другой стороны, зная благородный характер Александра, они не надеялись, чтобы он согласился принять регентство. Между тем необходимо было прийти на помощь нации, которую Павел не уважал в достаточной степени и к которой, благодаря своему пылкому воображению, он относился с чрезвычайной строгостью. Пален понял, что единственное средство достигнуть цели состояло в том, чтобы посеять разногласие среди императорской семьи, – между отцом и детьми, между супругом и супругой, и, в конце концов, привести подозрительного императора к роковой мере – к несправедливым, жестоким преследованиям собственной семьи.

Между тем один из заговорщиков, мучимый угрызениями совести, быть может, страшась последствий столь преступного предприятия, не желая выдать своих сообщников, анонимным письмом³ предупредил императора о заговоре. Встревоженный Павел тотчас призывает Палена.

Последний, заранее обдумав свои коварные ответы, с невозмутимым хладнокровием предстаёт перед своим повелителем. Без малейшего волнения выслушивает все внушённые недоверием, тревогой и гневом речи Павла, которые

³ Другие утверждают, что Пален распорядился сам, чтобы Павлу передано было это тайное извещение.

могли бы заставить одуматься другого, менее закоренелого преступника. При словах императора: «Против меня составляется заговор, и вы, петербургский губернатор, вы этого не знаете?» Пален отвечает: «Простите, Ваше Величество, я не только о нем знаю, но сам к нему принадлежу».

При этих изумительных словах на лице императора одновременно отразились мучительная тревога, сомнение и удивление.

«Да, Ваше Величество, – продолжал Пален тем же спокойным тоном, – все нити заговора известны мне. Я принадлежу к числу заговорщиков, но для того лишь, чтобы услужить Вам и спасти Вашу жизнь. Ни один из преступников не ускользнёт от моей бдительности и от правосудия Вашего Императорского Величества. Безумцы, замышляя погубить Вас, сами идут к собственной гибели».

«Кто же они?!» – воскликнул Павел, волнение которого возрастало с каждым словом его вероломного наперсника.

«Ваше Величество, осторожность мешает мне назвать их, но после всего, что я имел честь раскрыть перед Вашим Величеством, я смею надеяться, что мне будет оказано полное доверие и предоставлено следить за Вашей безопасностью». Эта туманная фраза могла лишь еще более возбудить пламенное любопытство императора. Ум его, введённый в заблуждение недоверием, осмелился возвести гнусное подозрение по отношению к добродетельнейшей супруге и почтительным, покорным сынам.

«Кто они? – с ужасающей настойчивостью повторил Пален. – Кто они? Я хочу их знать».

«Ваше Величество, – опустив голову, отвечал Пален, – чувство уважения мешает мне назвать августейшие имена...»

«Понимаю, – взволнованно сказал император глухим, сдавленным голосом. – Я предчувствовал... Императрица?» – продолжал он, устремляя пронзительный взгляд на Палена.

Пален молчал.

«Великие князя Александр и Константин?»

Пален отвечает лишь безмолвием. Император тогда умолкает, и с его стороны молчание это, несомненно, предвещало грозу.

Приказ арестовать наследника престола и его августейшего брата – таково было первоначальное решение разгневанного отца, считавшего себя гнусно преданным самыми близкими ему лицами.

«Что же касается императрицы Марии, – грозно прибавил император, – я сам приму меры относительно ее». Предполагалось великих князей заключить в крепость, а императрицу – в монастырь.

Добровольно лишаясь, таким образом, самых верных опор своего престола и своей жизни, несчастный государь слепо доверялся предателю, от которого теперь зависела его судьба.

«Добрый, верный Пален, – сказал он, глубоко вздыхая, – я доверяюсь тебе, охраняй твоего государя, который тебя о том просит». Произнося эти слова, он раскрыл свои объятия, и Пален преступно дерзнул принять этот знак привязанности со стороны несчастного государя, дни которого уже были сочтены в глубине его сердца.

Выходя от императора, Пален поспешил к заговорщикам и, собрав их, сказал наименее смелым из толпы, с целью пробудить их дремлющую злобу: «Тайна раскрыта. Список заговорщиков ему еще неизвестен, но кто нам поручится, что другой предатель не раскроет ему весь наш замысел? Если жизнь дорога вам, поверьте мне, – поспешим исполнить его, поспешим освободить империю».

Предатель, о котором говорил Пален, был не кто иной, как он сам.

Этот коварный человек составил двойкий план: соответственно обстоятельствам, предать или государя своего, или своих сообщников. Если бы случилось что-либо непредвиденное, и если бы в решительную минуту судьба оказалась неблагоприятной для заговорщиков, Пален намеревался арестовать виновников и сказать императору: «Ваше Величество, Вы спасены, и задача моя исполнена».

Условившись относительно необходимых мер предосторожности, заговорщики назначили ближайший срок для совершения своего преступления. Расставшись с ними, Пален, имея в руках переданный ему государем роковой приказ, от-

правился во дворец Великого князя Александра. Немедленно принятый наследником, он почтительно преклонился перед ним, и, изобразив на лице своем крайнюю скорбь, он известил великого князя о высочайшей воле императора.

«Как! – воскликнул изумлённый Александр. – Его Императорское Величество, отец мой, хочет лишить меня свободы? Какое же преступление совершил я, чтобы навлечь на себя такую строгую кару?».

«Вашему Императорскому Высочеству известно, – сказал Пален, вторично преклоняясь, – что, к несчастью, карам подвергаются здесь иногда те, кто не совершил ничего дурного».

При этих словах великий князь бросил на Палена строгий взгляд. После нескольких минут молчания Александр сказал:

«Император волен в моей судьбе. Я подчиняюсь, покажите мне приказ».

Пален представил его великому князю. Пробежав его вскользь, Александр горестно воскликнул: «И брат мой также!»

Чтобы нанести сердцу молодого великого князя наиболее чувствительные удары, Пален намекнул ему на судьбу, ожидавшую его невинную и добродетельную мать. «Нет! Это уже слишком», – сказал великий князь, закрывая лицо, чтобы скрыть свое горе от внимательных взоров фаворита.

Пален бросился к ногам великого князя.

«Ваше Высочество, – сказал он, – благоволите выслушать

меня. Надо предупредить великие несчастья, надо положить конец заблуждениям Вашего августейшего родителя. Сегодня он хочет лишить Вас только свободы, но кто знает, в пылу его страстей, часто затемняющих его разум, где остановится его безграничная, всемогущая воля? Вспомните, Ваше Высочество, несчастного Алексея Петровича».

«Пален, вы оскорбляете моего отца».

«О, нет, Ваше Высочество! Я обвиняю не сердце его, полное самых благородных, великодушных чувств, виной всему необузданный характер, непрерывно волнуемый его. Вам известно так же хорошо, как и мне, что император ищет блага, но не может достичь его. Что станет с императорской семьёй? Какая судьба ожидает империю, громадное население, которым Вы свыше призваны править, которое Вы должны охранять в случае, если Ваш отец, увлекаясь своими бреднями, заблуждаясь в своих мнениях, наказывая, прощая, без меры и рассудка награждая, – сохранит в руках своих бразды правления в этой несчастной стране? Ваше Высочество, притворяться теперь уже не время! И Сенат, и вся империя хочет сбросить с себя нестерпимое иго и вверить Вам свои судьбы. Я здесь лишь верный представитель этой воли».

«Как! – воскликнул Александр, отходя от Палена. – От меня требуют, чтобы я захватил власть, чтобы я вырвал скипетр из рук моего отца? Не надейтесь на это. Я буду, если надо, жертвой его заблуждения, – все равно! Спасите только

мою мать, спасите императрицу».

Тогда Пален с жестоким лукавством дал понять великому князю, насколько общее возмущение всех сословий государства было опасно для самого императора. Затем он указал ему на пример Англии, где управление государством должно было перейти к принцу Вельскому, хотя нравственное состояние короля Георга, быть может, внушало менее тревог в государстве, где высшая власть, более ограниченная, подчинялась законам в большей мере, чем в России, где достаточно было единой воли монарха, чтобы потрясти всю империю.

«Соблюдая такую же умеренность, – продолжал Пален, – великий князь, не вступая на престол, мог взять в руки бразды правления с тем, чтобы возвратить их отцу, как только здоровье императора войдёт в норму, необходимую для выполнения столь важных обязанностей. Таковы желания Сената, армии и всей нации», – повторил ловкий царедворец.

«Никогда не получают они моего согласия, – отвечал Александр. – Одна лишь воля моего отца может решить его и мою судьбу». И, сняв с груди образ Спасителя, Александр заставил Палена поклясться перед этим священным ликом, что отец его сохранит и жизнь, и свободную волю.

«Ваше Высочество, – сказал Пален, – судьба Вашей августейшей матери, Ваша собственная и судьба всей России – должны решиться в следующие три дня».

Выходя от великого князя, Пален поставил у двери его несколько гвардейцев с офицером. В тот же день император

Павел, уже давно покинувший свою семью, отправился вечером к княгине Гагариной. Мрачный, с искажившимися чертами, он произнёс ужасные слова, – слова, вызванные гневным порывом, которые сердце его, без сомнения, отвергало и которые он никогда не привел бы в исполнение: «На днях падут головы, некогда очень мне дорогие».

Испуганная княгиня Гагарина сочла долгом предупредить Великого князя Александра. Можно представить себе, какая жестокая тревога, какие внутренние муки разрывали сердце Александра. После разговора своего с великим князем Пален решил, что для успеха заговора нельзя терять времени. Собрав всех заговорщиков, он обратился к ним с речью в духе древних и новых революционеров. «Зачем, – сказал он, – медлить нам с делом освобождения нашей родины, с делом, которое заслужит нам благодарность наших сограждан?».

Решающее собрание состоялось у Платона Зубова. Взывая к тени Брута, заговорщики подкрепили своё мужество обильным возлиянием. В тот же вечер, перед последней ночью Павла, вероломный Пален виделся с императором и посредством искусно подготовленных речей убедил его, что заговор расстроился. Ему удалось успокоить его и влить на краткие мгновения утешительный бальзам в это встревоженное и несчастное сердце.

Между тем, как только настала ночь, заговорщики, закутанные в свои плащи и почти все отуманенные винными парами, молча направились к Михайловскому дворцу. В то

время, как они проходили дворцовым садом, сидевшие на деревьях вороны вспорхнули и улетели с зловещими криками. Карканье этих птиц, считающееся в России несчастным предзнаменованием, настолько испугало заговорщиков, что они на минуту поколебались, – не вернуться ли им обратно.

Пален сменил дворцовую стражу, поставив вместо солдат участвовавших в заговоре офицеров. Согласно его приказу, вся императорская гвардия стояла на часах в различных пунктах города, лишь один забытый заговорщиками часовой, увидев приближавшуюся ко дворцу группу, закричал: «Караул!»

Стражник вышел, но *тотчас же* был отозван в гвардейские казармы сообщниками Палена. Не встречая никаких препятствий, заговорщики поднимаются по ступеням большой лестницы, где царила, как и во всем дворце, угрюмая тишина. Была полночь. После вечера, проведённого у княгини Гагариной, Павел, доверившись Палену, заснул мирным сном. Незаметно было вокруг него тех мер предосторожности, которые во множестве изобретает подозрительная и страшущаяся за себя тирания. Беспрепятственно пройдя длинный ряд апартаментов, заговорщики уже почти достигли спальни императора.

Задерживая дыхание, Пален следил за взглядами и выражением лица каждого из своих сообщников, прислушивался к малейшему шуму, как вдруг в комнате, примыкавшей к спальне императора, стоявший на страже, закутанный в

плащ гвардейский гусар, родом поляк, при виде лиц, входивших в такой необычный час, догадывается об их злостных намерениях, бросается навстречу заговорщикам и на их отказ удалиться выхватывает пистолет.

Заговорщики бросаются на него и сваливают с ног.

На этот шум Павел пробуждается. Почуввав измену, он вскакивает с постели и бежит к потайному трапу, который сообщался через пол с апартаментами нижнего этажа. По несчастью, пружина, быть может, впервые не поддаётся нажиму. Куда спастись?! Что делать?! Единственная дверь в комнате императора сообщалась с покоями августейшей его супруги, но дверь эта была заперта наглухо, и несчастный государь, жертва собственной недоверчивости, сам лишил себя всякого пути к спасению.

Наконец входная дверь отворяется. Павел не успевает спрятаться за ширмами у камина. Заговорщики с шумом входят в комнату. Первые взгляды их устремляются на кровать императора: кровать пуста. Они отыскивают наконец государя. Последний, видя, что бегство уже невозможно, ищет глазами Палена, призывает его, как последнюю свою надежду. Но изменник не отвечает: его не было в комнате, он снаружи следил за всеми действиями заговорщиков. Тогда, вооружившись мужеством, которое, быть может, уже покидало его, Павел обращается к заговорщикам тоном властелина.

«Павел Петрович, – отвечают предатели, – ты видишь в нас представителей Сената и империи. Возьми эту бумагу,

прочти и сам реши свою судьбу».

При этих словах Зубов подаёт ему акт отречения, который император берет с взволнованным видом. При тусклом мерцании ночника, бросавшем зловещий свет на искажившееся лицо императора и на мрачные суровые фигуры заговорщиков, Павел пробегает роковую бумагу, вторично читает ее, и каждый раз обвинения в тирании, перечисление его проступков, самые неуважительные и неприличные выражения поражают взоры и еще более разум несчастного монарха... Достоинство не только государя, но человека пробуждается в нем... Он резким движением отбрасывает бумагу. «Нет! – восклицает он. – Лучше смерть, чем бесчестье!»

Он вновь пытается ускользнуть от ярости убийц, пытается защититься, бежать, он хватается оружие... Тогда завязывается страшная борьба, не поддающаяся описанию сцена ужасов и оскорблений...

Глухие крики, стоны, угрожающие, сдавленные голоса, – глас преступления, – доходят до слуха встревоженной супруги.

Императрица поспешно встает, бежит к двери, но все ее усилия проломить дверь напрасны. Не теряя времени, она обходит кругом и, дрожащая, перепуганная, появляется на лестнице, где столпились убийцы ее мужа. Вовлеченный в заговор Беннигсен, который в этот вечер один сумел сохранить невозмутимое хладнокровие своего от природы мягкого характера, – Беннигсен подходит к императрице и, почтитель-

но загоразживая ей вход в комнату императора, даёт ей понять, что она напрасно подвергла бы опасности свою жизнь, так как Павла уже нет в живых.

Императрицу, в обмороке, еле живую, относят в ее покои.

Действительно, император испускал последний вздох, когда Пален вошёл к нему со шпагой в руке, еще колеблясь, на что обратить эту шпагу, – на спасение ли жизни своего повелителя, или на соучастие в преступлении.

Вид плавающего в крови государя, его благодетеля, однако, произвёл некоторое впечатление на этого коварного предателя, он должен был прислониться к колонне. Так он простоял несколько минут неподвижно, со шпагой на боку. Заговорщики также молчали. Беннигсен представил им, что необходимо идти к новому императору и принести ему обет верноподданства.

Шум и беспорядок, все возраставшие вслед за совершившимся трагическим событием, перенеслись наконец во дворец, где Александр спал со своей юной супругой. Поражённый ужасом и самыми печальными предчувствиями, он слышит весть о смерти отца и падает в глубокий, продолжительный обморок.

Придя в чувство, Александр видит вокруг себя коленопреклонённых заговорщиков, которые пробуют оправдать своё покушение и разными бессвязными речами пытаются приписать внезапную смерть Павла апоплексическому удару, как естественному последствию его бурного нрава. «Чу-

довища! – сказал Александр, с негодованием удаляясь от них. – Я никогда не приму короны, залитой кровью моего отца!»

И поспешно удалившись, он заперся в самой уединённой части дворца.

Глава II

Восшествие на российский престол Александра. Первые годы его царствования

Между тем собравшаяся у стен дворца Александра несметная толпа народа и войска громкими кликами призывают своего нового государя. Упавшие духом, поражённые страхом заговорщики не знают, на чём остановиться. Наконец Беннигсен, с согласия остальных, решается один идти к императору, который, не считая его виновным, соглашается принять его. Беннигсен, бросаясь на колени перед Александром, убеждает его исполнить мольбы его народа и не вызывать дальнейшими отказами ропот и бесчинства императорской гвардии, – не отдавать во власть жестокой анархии могущественную империю, управлять которой призывала его судьба.

Побеждённый доводами Беннигсена и особенно слезами своей матери, своей супруги и мольбами любимого брата, Великого князя Константина, Александр согласился выйти к народу.

Нового императора, – бледного, расстроенного, лишив-

шегося сознания, пронесли среди рядов солдат, где он принял присягу в верности. И слова присяги, тысячу раз повторённые, казалось, тысячу раз возвещали ему о трагической смерти его отца.

Еще не зная, что их ждало впереди, заговорщики удалились к себе, ободряемые если не собственной совестью, то, по крайней мере, общественным мнением, которое они считали вполне для себя благоприятным. Также благодарностью Отечества, освободителями которого они почитали себя, и, более всего – своей партии, столь же многочисленной, как и могущественной.

Пален вскоре получил приказ удалиться в свои поместья. «Я этого ожидал, – сказал он, улыбаясь. – И всё у меня заранее уже уложено».

Другие заговорщики были также изгнаны в различные губернии империи, и, несмотря на снисходительность постигшей их кары, все они считали себя героями, жертвами преследований или мучениками своего патриотизма.

Быть может, многих, наоборот, удивит, что Александр не наложил более суровых кар на убийц своего отца. Смертной казни в то время не существовало в России, уголовные наказания сводились к ссылке, конфискации имущества, тюрьме и позорящим наказаниям. Совершенное преступление требовало, без сомнения, особого закона. Но представьте себе, если можете, положение Александра. Вступив столь юным на колеблющийся престол, он мог предоставить своему на-

роду лишь одни надежды на будущее, ибо стеснения и зависимость, в которых держал его отец, не позволили ему обнаружить перед страной все его умственные качества, работоспособность, мудрость взглядов.

В первые годы своего царствования Александр мог противопоставить лишь кротость, выдержку и дух примирения – опасному брожению, вызванному злополучной кончиной Павла. Эта смерть представлялась как бы победой своеволия над деспотизмом, – победой, за которой должны были последовать большие уступки со стороны самодержавной власти. Уже поговаривали об аристократической конституции, в которой интересы народа почти не принимались в расчёт: главная цель ее сводилась к ограничению верховной власти. Заговор пустил глубокие корни, особенно в армии, в царской гвардии и в течение долгого времени Александр видел над своей головой дамоклов меч.

Совершившие столь варварский поступок заговорщики состояли в сношениях с несколькими из главных сановников империи. Притом, надо сознаться, к сожалению, что в Петербурге царило всеобщее удовлетворение, раздавались смелые речи и одобрения по адресу виновных. Мы знаем лиц, и теперь еще живых, которые, с признательностью относясь к памяти злосчастного Павла I, несмотря на постигшую их с его стороны опалу, – добровольно удалились от общества, где они рисковали встретить тех, кого, к ужасу их, общество радушно приветствовало. Кто же стал бы судить виновных?

Кто возвёл бы их на эшафот?..

Император принуждён был сдерживать жажду справедливой мести и внять убеждениям нескольких верных слуг, чуждых заговору. Они ясно представили ему опасность, которой подверглись бы государство и императорская фамилия, если бы против этой партии были приняты строгие меры.

Не задевая открыто новых взглядов, надо было осторожностью и умеренностью обратить умы на путь долга. Задачу эту Александр выполнял с той мудростью, которую он проявил в течение всего своего славного царствования. Таким образом, история не может обвинять этого государя в преступной снисходительности по отношению к убийцам его отца, в даровании им добровольного прощения. Мы знаем и других государей, современников Александра, государей добродетельных и благочестивых, которые, в силу государственной необходимости, принуждены были не только допускать до себя одного из преступных виновников смерти добродетельного Людовика XVI, но и облечь его своим доверием в качестве министра.

Восшествие на престол Александра ознаменовалось актами справедливости и благотворительности. Благодаря его великодушию из сибирских пустынь возвращены были многочисленные изгнанники, присоединившие свой голос к радостным приветствиям целого народа, преисполненного надежд и ликований.

Александр уничтожил при дворе чрезвычайные строгости

этикета, введенные в предшествующее царствование, между прочим, обычай выходить из экипажа при встрече с экипажем императора. Ни возраст, ни пол никого от этого не избавляли.

Первая круглая шляпа, появившаяся на улицах Петербурга, произвела, как говорят, целую сенсацию. Всем без исключения в империи было предоставлено право выезжать за пределы страны. Никто уже не боялся шпионства и доносов. Освобождённые от оков, искусства и литература спешили принести дань уважения своему августейшему покровителю. Подчинённая определённым правилам, мудрой и правильно поставленной дисциплине, армия наконец свободно вздохнула, несмотря на то, что Александр проявлял, быть может, слишком большое пристрастие к мелким подробностям и придавал слишком большое значение таким внешним мелочам наружного порядка, которые часто не замечаются менее опытным взглядом.

Но трудно порицать это пристрастие – оно вызывалось у Александра духом порядка и справедливости, и ему-то главным образом русская армия обязана той прекрасной военной выправкой, тем совершенством дисциплины, которые справедливо вызвали восхищение всей Европы и доставили ей те победы, которыми она может теперь по праву гордиться.

Деревенский житель, уверенный, что молодой государь отнесется к нему справедливо и окажет ему покровитель-

ство, с удовольствием видел, как внимательно относился он к земледелию, как интересовался его развитием, как в своих собственных владениях он учреждал иностранные колонии, поощряя их опыты в надежде, что удастся развить и распространить в империи истинный источник богатства.

В любви Александра к искусствам, в покровительстве, которое он оказывал торговле, города, со своей стороны, нашли верный залог своего процветания. Вначале молодой император приложил все старания к упорядочению государственных финансов, сильно расстроенных благодаря обильным дарам, пожалованным императрицей Екатериной и расточительной щедростью Павла Первого. Вскоре он пожал плоды своих трудов в виде восстановления государственного кредита.

Таково было счастливое начало царствования Александра.

Государь этот предоставлял своим подданным и обеспечивал за ними всю ту свободу, которую они разумно могли требовать, и во всех его шагах можно было узнать мудрого ученика философа Лагарпа. Некоторые последователи новых современных взглядов старались увидеть в намерениях Александра тайную склонность к либеральным идеям, к которым прежний его воспитатель направлял ум юного великого князя, призванного управлять впоследствии пятьюдесятью миллионами людей, но Россия, счастливая и довольная, нашла, по остроумному выражению г-жи Сталь, совер-

шенную конституцию в личности своего государя. Известна милая фраза, сказанная Александром в ответ этой знаменитой женщине, – фраза, так хорошо передающая его чувства. «Во всяком случае, – сказал он, – я был бы лишь счастливой случайностью».

Несмотря на чрезвычайную его молодость, неопытность, несмотря на его естественную склонность к филантропическим идеям, Александр был слишком разумен и умён, чтобы не видеть, что Россия представляла собой, – если можно сделать это сравнение, – слишком молодое дерево, чтобы прививать ему новые учреждения. Он многого ожидал от будущего, от своей собственной неусыпной деятельности и в особенности от времени, которое одно могло совершить и укрепить великую реформу в образе правления, но годы, неумолимые годы, не захотели остановиться для него, и безумные чудовища, неблагодарные, ускорили течение их... О! Прочь эти ужасные мысли, они отравили бы описание счастливых, прекрасных лет царствования Александра.

Взглянем на Александра, обозревающего различные части своей громадной империи, повсеместно являющегося перед преданными ему подданными в образе блестящего, любезного и благодетельного государя, впоследствии – великого человека, призванного Провидением стать вершителем судеб Европы и опрокинуть колосса, иго которого тяготело над ней в лице Наполеона Бонапарта.

Повсеместно проезд молодого императора, приветству-

емого преданным ему народом, отмечался блестящими празднествами. Александр почтил также своим присутствием празднества, устроенные в его честь в Вильне, столице Литвы. В то время, по молодости лет, я не имела счастья его видеть, но я уже научалась обожать его августейшее имя. Я помню, что, выполняя программу совершившихся по этому поводу торжеств, городская дума вздумала запрячь людей в карету императора. Напрасно несколько лиц из свиты государя, раньше него приехавшие в Вильну, указывали, что такого рода знаки почёта не нравились Его Величеству: устроители торжеств не захотели бросить стоившую денег одежду, сделанную на двадцать человек, из среды мещан, которые должны были составить этот странный поезд.

Итак, эти бедные люди побежали с большим усердием запрягаться в карету императора, – в том месте, где недалеко от Вильны, государь только что принял различные городские депутации, и, отправившись скорой рысью, они прибыли во дворец, причём оказалось, что вместо императора они привезли лакея Его Величества и кучера, который, важно восседая на козлах, правил ими как настоящими лошадьми. Император, чувствуя естественное отвращение к тому, чтобы ехать на подобных себе людях, приехал в карете одного из своих адъютантов.

Уезжая из Вильны, Александр переехал через реку на пароме. Один из лодочников поранил себя настолько серьёзно, что встревожил свидетелей этого несчастного случая, и осо-

бенно Его Величество.

Государь, считая себя как бы невольной причиной случившегося с бедняком несчастья, пожелал собственными руками перевязать ему рану и разорвал свой платок, чтобы сделать перевязку. Эта трогательная сцена произошла на пароме, и такое проявление чувствительности молодого государя было тотчас запечатлено кистью и резцом всех местных художников.

Дорогой из Вильны в Гродно император, меняя лошадей, остановился в поместье моего отца. Пока запрягали подставу, Александр, проходя около конюшен, отличавшихся довольно замечательной архитектурой, увидел большой кучерской кнут, только что выкрашенный и покрытый лаком, и со свойственной молодым людям фантазией он вздумал испробовать кнут. Стоявший тут же маленький конюх, не узнав императора и, вероятно, находя, что его кроткое, приветливое лицо выглядело гораздо менее страшным, чем лицо толстого, усатого кучера, владельца кнута, хотел отнять его у Александра и сказал: «Оставьте кнут, это кнут господина Теодора».

Император, которому смелость этого ребёнка с хорошеньким плутовским лицом показалась забавной, спросил его, не согласится ли господин Теодор отдать ему кнут за один червонец. Мальчик принял на себя переговоры и передачу условленной платы. По заключении торга государь ловко свернул кнут и велел положить его в карету, сказав, что он

предназначает его своему любимому кучеру, верному Юшке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.